

© 1993 г. АСТАХОВА Л.И.

О СЛОЖНОСОЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В науке о языке часто допускаются и продолжают длительное существование термины, понятия которых не определены. К их числу можно отнести и термин "сложносочиненное предложение".

Критикуя принятую в грамматиках дефиницию сочинения как сочетания (посредством сочинительных союзов — соединительных, противительных, сопоставительных и разделительных) двух или нескольких предложений, объединенных ритмо-мелодически, равноценных в грамматическом отношении и — при тесной смысловой связанности друг с другом — все же самостоятельных, В.В. Виноградов писал: "Структура сложносочиненного предложения внутренне едина, и при анализе его как целого становится ясной и структурная обусловленность первого, начального предложения. Поэтому традиционные представления о независимости и самостоятельности предложений, объединенных в структуре сложносочиненного предложения, очень условны и произвольны. Не только содержание, но и структурные своеобразия каждого из предложений в составе сложного предложения взаимообусловлены и взаимосвязаны" [1, с. 291]. Единственно возможной трактовкой сочинения Г. Пауль считает такой подход, при котором не одно из предложений односторонне определяет другое, а оба предложения взаимно определяют друг друга [2, с. 176]. В свое время В.А. Богородицкий отмечал, что "во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него" [3, с. 229]. В последние годы специально проблемам исследования сложносочиненного предложения в русском языке посвящена докторская диссертация Н.Н. Холодова [4]. Но несмотря на довольно длительную традицию выделения сложносочиненного предложения и довольно активную его разработку, это понятие остается неясным.

Существующие дефиниции сложносочиненного предложения, как правило, не согласуются с "логическими правилами определения объекта", часто они прямо противоположны им. В качестве примера могут служить рассуждения о "специфике" сочинительных союзов, являющейся по сути основополагающей при противопоставлении подчинительным союзам. Ср.: "Специфика сочинительных союзов определяется прежде всего фиксированностью их позиций в составе сложного предложения", и рядом: "Сам по себе позиционный критерий не является, однако, достаточно надежным основанием для противопоставления сочинительных и подчинительных союзов. Некоторые подчинительные союзы в позиционном отношении могут вести себя так же, как сочинительные" [5, с. 615]. Но согласно логическим правилам определения понятия объекта, видовым отличием должны быть существенные признаки, принадлежащие только данному понятию.

В наиболее распространенной дефиниции сложносочиненного предложения говорится, что это "...такие сложные предложения, части которых соединяются сочинительными союзами и грамматически не зависят друг от друга, т.е. находятся в отношениях равноправия, равнозначности" [5, с. 615]. Первая часть дефиниции не выдержана в том плане, что определение не должно содержать круга, т.е. содержание определяющего не должно раскры-

ваться через определяемое понятие: вторая часть, гласящая о равноправии и равнозначности частей сложносочиненного предложения, вступает в противоречие с высказываемым, приведенным двумя страницами ниже. Ср.: "В отличие от предложений собственно соподчинительных, сложносочиненные предложения, оспожгечные значением очередности или обусловленности, при включении в состав элементарной сложной конструкции части таких предложений оказываются неравнозначными" [5, с. 619], что противоречит требованию о том, что в определении понятия не должно быть признаков, исключаящих друг друга.

Авторы академического издания грамматики немецкого языка характеризуют сложносочиненное предложение отрицательно, т.е. с помощью отсутствующих у него признаков. Ср.: "Сочинение определяется в сложных предложениях в немецком языке в значительной мере тем, что ни одно предложение не имеет синтаксической функции в другом предложении и не присоединяется непосредственно к другому предложению в качестве распространительного прилагательного" [6, с. 777].

Отсутствие существенных признаков, по которым могли бы быть противопоставлены два вида, в данном случае сложносочиненное и сложноподчиненное предложения, уже само по себе должно бы являться достаточным основанием для признания неправомерности выделения таких понятий. Иногда говорят, что понятие "сочинение" возникло не на языковой основе, а привнесено из логики Логике, со своей стороны, отрицает наличие таких понятий в своей науке.

Некоторые языковеды вида неопределенность понятия "партаксис", призывают хотя бы только зафиксировать границы применения этого термина, указав те синтаксические конструкции, которые им обозначаются [7, с. 141]. Но ведь не определяя природу партаксиса, нельзя объективно выделить эти конструкции. Иначе это будет не что иное, как простое перечисление конструкций, традиционно относимых к сложносочиненным.

Поскольку, как было показано, ни один из указываемых в грамматиках признаков сложносочиненного предложения нельзя признать существенным, нам представляется целесообразным подойти к решению этого вопроса с точки зрения выполняемой ими коммуникативной установки. Такой подход позволит определить, насколько однородны конструкции, объединяемые под термином "сложносочиненные предложения", их существенный признак и, соответственно, формы их языкового выражения.

Почти во всех языках более или менее единодушно к сложносочиненным предложениям относятся в основном аналогичные структуры. Мнения исследователей расходятся лишь относительно предложений с так называемыми однородными предикатами. Здесь наблюдается три точки зрения: 1) предложения с однородными предикатами относятся к сложносочиненным на том основании, что "...формально в таких предложениях неоднократно выражаются значения времени и наклонения. Соответственно и в семантическом плане они могут быть интерпретированы как сообщения о нескольких ситуациях — одновременных или следующих друг за другом, — характеризующихся единством (общностью) субъекта" [5, с. 462]; 2) предложения с однородными предикатами относятся к простым предложениям [7, с. 283; 8, с. 314 и др.]; 3) однородные сказуемые — это не несколько сказуемых, а единое слитное сказуемое [9, с. 48].

Переходя к анализу структур, относимых к сложносочиненным предложениям, следует указать на то обстоятельство, что в современных грамматиках каждую личную форму глагола принято обычно считать признаком предложения. На этом основании выделяются главные и придаточные предложения в сложноподчиненном и грамматически самостоятельные предложения в сложносочиненном предложениях. Однако, например, Г. Пауль в немецком языкознании и А.А. Шахматов в русском языкознании не считали каждую личную форму глагола признаком предложения. Апологичного мнения придерживались и Н.Ю. Шведова, которая приходит к выводу, что целый ряд предложений лишь по привычке сохранился

в сфере изучения синтаксиса сложного предложения, на деле же он относится к области распространения простого предложения. По ее мнению, из области сложного предложения должны быть выведены структуры, строящиеся по принципу открытого ряда, так как правила их организации те же, что и правила организации открытых рядов словоформ. В качестве примера предлагаются предложения типа: *Мелькали то синие, то красные, то черные пятна; То шел дождь, то валял снег, то сыпалась какая-то мокрая крупа.* Н.Ю. Шведова пишет, что в обоих случаях действуют общие правила организации, сводящиеся к однородности союзно соединяемых частей; в первом случае — к однокатегориальности слов, во втором — к "одномодальности" и "одновременности предложений" [10, с. 330]. В свое время А.А. Шахматов называл такие предложения "однородными", подчеркивая, что они выражают мысли, находящиеся в одной плоскости.

Как отмечается в "Русской грамматике-80", термин "сложное предложение" неприменим к бессоюзным предложениям, между которыми имеется только содержательная или интонационная связь или связь, предопределенная единством описания (довествования) [5, с. 635]. В то же время предложения с многоместным союзом *и...и* и его аналогом с отрицательным значением *ни...ни*, в которых соединяются структурно и семантически однотипные части, рассматриваются как сложные предложения [5, с. 618]. Анализ бессоюзных предложений показал, что это не самостоятельный вид предложений наряду со "сложносочиненными" и "сложноподчиненными", а лишь их разновидность. Бессоюзность является одной из форм выражения определенного содержания внутри той же коммуникативной установки. Поэтому отнесение одних предложений к сложным, а других — к простым представляется неправомерным. Это лишь еще одно свидетельство неопределенности терминов "сложное" предложение вообще и "сложносочиненное" предложение — в частности.

Мы глубоко убеждены в том, что проникнуть в сущность анализируемых структур возможно лишь путем установления внеязыкового содержания, выражаемого ими. Язык всегда функционирует фактически совместно с неязыковыми факторами в рамках комплексного процесса коммуникации. Как отмечает И.В. Поляков, методологическая ориентация структурной лингвистики языка как системы, обладающей внутренними соотношениями и зависимостями, может реализоваться только тогда, когда приняты определенные гипотезы о формах соотношения языка с внеязыковой действительностью. Именно поэтому чисто "явманентный" подход к языку просто невозможен [11, с. 85].

Язык как знаковая система является формой выражения логических категорий "восприятия", "представления", "понятия", "высказывания". Высказывания выражают виды бытия, которые и лежат в основе философских категорий. Аристотель, основатель учения о философских категориях, воспринимает их как отражение объективной реальности [12, с. 269]. Все основные законы диалектики по существу есть не что иное, как выражение соотношения таких исходных категорий, как "количество", "качество", "мера", "скачок", "развитие", "противоречие", "противоположность" и пр.

Для всех анализируемых структур общим является то обстоятельство, что в каждой из них присутствует более одного "сказуемого", сочетающегося либо с одним и тем же, либо с разными подлежащими. Как показал анализ коммуникативной установки этой группы структур, они выражают такие внеязыковые явления, в которых вид бытия объекта сообщения характеризуется как "процесс". В связи с разными толкованиями термина "процесс" остановимся на нем несколько подробнее.

Термин "процесс" функционирует в нескольких областях человеческой деятельности, где в него вкладываются разные понятия. Так, например, одни и те же предложения [типа нем. *Er ist (war) wach — Er wurde wach*] Х. Бринкман рассматривает как модель предложений, выражающих "процесс" [13, с. 562], а

В. Шмидт считает, что они выражают не процесс, а "состояние", правда, указывая при этом на отсутствие четких критериев разграничения "процесса" и "состояния" [14, с. 292]. Мнение о том, что "состояние" — это результат процесса, встречается у Н.Д. Арутюновой [15, с. 192]. Одни исследователи рассматривают "процесс" как синоним действия [15, с. 193], другие — противопоставляют "процесс" "действию" [16, с. 141].

В грамматиках принято выделять группы глаголов по их значению (*Bedeutungsgruppen des Verbs*). Среди этих групп представлены и глаголы "состояния" (*Zustandsverben*) и глаголы процесса (*Vorgangsverben*). Однако примечательно то, что состав этих групп у разных авторов, как правило, ничего общего не имеет. Так, К. Дуден относит к глаголам состояния *sein, bleiben, wohnen*, М.Г. Арсеньева выделяет их в отдельную группу глаголов с ослабленным семантическим содержанием, а к глаголам "состояния" относит *sich freuen, liegen, schlafen, stehen* и др. Не похожи и глаголы, относимые этими авторами к "процессу", ср.: *fallen, wachsen, erfrieren, verblühen, einschlafen* у К.Дудена [17, с. 81—82] и *arbeiten, lesen, schreiben, springen* у М.Г. Арсеньевой [18, с. 119—120].

Как показал наш анализ, выделение глаголов "состояния", процесса" и др. на основе так называемой семантической классификации является непоследовательным, противоречивым и научно несостоятельным. Критериев разграничения глаголов "процесса" и "состояния" в языкознании нет, их существенные признаки, а следовательно, и само понятие о них не определены, что свидетельствует о неправомерности выделения указанных терминов в языкознании на морфологическом уровне.

Э. Бенвенист писал даже, что "... такие понятия, как процесс или объект, не воспроизводят объективных свойств действительности, но уже являются результатом языкового выражения действительности, а это выражение не может не быть своеобразным в каждом языке. Это не свойства, внутренние присущие природе, которые остаются лишь регистрировать, это категории, возникающие в некоторых языках и спроецированные на природу" [19, с. 168]. С Э.Бенвенистом нельзя согласиться лишь в том плане, что понятие "процесс" возникает в языке, а не в природе, а затем проецируется на природу. Понятие "процесс" существует в природе и имеет свою диалектическую дефиницию, раскрывающую его существенный признак, присущий только ему. Ср.: "Процесс — это динамическая последовательность различных явлений объективной реальности или различные состояния одного и того же явления" [23, с. 447]. Благодаря раскрытию понятия "процесс" мы проникаем и в понятие "состояние".

Одной из стоящих перед нами задач является определение параметров, по которым возможно противопоставление структур внутри группы сложносочиненных предложений. В результате анализа таким основным параметром противопоставления оказались одновременность и неодновременность их частей. В свою очередь каждая из этих групп делится на "односубъектные"¹ и разносубъектные". Ср.: а) одновременные и односубъектные: 1) нем. *Holt schwieg und rauchte* (D. Noll, *Die Abenteuer...*) "Хольт молчал и курил"; 2) *Pietro versuchte die Schläge zu zählen, aber er kam nicht zurecht* (G. Harkenthal, *Galgenfrist*) "Пиетро пытался считать удары, но не успевал"; 3) *Er weinte nicht, er schluchzte nicht, er saß mit offenem Mund und sah Maud an* (B. Kellermann, *Der Tunnel*) "Он не плакал, он не рыдал, он сидел с открытым ртом и смотрел на Майд"; б) одновременные и разносубъектные: 1) *Tag und Nacht klirren die eisernen Türen des Schachtes, und der tiefende Förderkorb spie Tag und Nacht ohne Pause vier eiserne Hunde voll Kohle aus fünfzig Zentner auf einmal* (B. Kellermann, *Der*

¹ Следует отметить, что понятие "односубъектность" с точки зрения коммуникативного подхода в корне отличается от аналогичного понятия в грамматике, исходящей из формы. Мы опираемся на естественное положение вещей, поэтому предложения, в которых один и тот же субъект назван разными словами, мы считаем односубъектными.

Tunnel) "День и ночь дребезжали железные двери шахты, и насквозь мокрая подъемная клеть выбрасывала беспрерывно день и ночь четыре железных тележки, полные угля, по пятьдесят центнеров за раз"; 2) *In der Küchenbaracke sangen die Köche, im Park schmeißerten die Hörner, über mir hämmerten die Spechte* (H. Jobst, Der Vagabund) "В кухонном бараке пели повара, в парке оглушительно гремели трубы, надо мной стучали дятлы"; 3) *Es schrie in der Luft wie Tausend gemarterte kleine Kinder; die Erde zitterte* (B. Kellermann, Der Tunnel) "Казалось, в воздухе раздавались крики тысячи истязаемых маленьких детей; земля дрожала".

Неодновременные структуры подразделяются также на односубъектные и разносубъектные: а) односубъектные: 1) *Er geht zur Tür, legt das Ohr ans Holz und lauscht* (W. Meinek, Tödliche Stille) "Он идет к двери, прикладывает ухо к дереву и прислушивается"; 2) *Kurz entschlossen machte er ihr einen Antrag, und einige Wochen darauf heirateten sie* (B. Kellermann, Der Tunnel) "Не раздумывая, он сделал ей предложение, и через несколько недель они поженились"; 3) *Der Hund ließ mein Bein fahren, sprang mich an und packte mich bei der Schulter* (H. Jobst, Vagabund) "Собака отпустила мою ногу, прыгнула на меня и схватила меня за плечо"; б) разносубъектные: 1) *Holt hielt die Zigarette zwischen den Lippen, und der Rauch stieg ihm in die Augen* (D. Noll, Die Abenteuer) "Холт держал сигарету в губах, и дым полз ему в глаза"; 2) *Jetzt richtete sich Bendorf doch aus seiner bequemen Lage auf, und Joans Blick verriet Betroffenheit* (G. Hakenthal, Galgenfrist) "Тут Бенфорд оставил свое удобное положение, и взгляд Джона выразил смущение"; 3) *Die Tür zur Lampenstation wurde aufgestossen, im offenen Geviert stand der Obersteiger* (H. Jobst, Glücksucher) "Дверь в ламповую резко открылась, в открытом квадрате стоял старший штейгер".

Коммуникативный анализ большого объема текстов показал, что предложения обеих групп встречаются обычно лишь в описательных типовых композиционно-речевых формах и почти никогда в объяснительных. Своеобразие этих предложений состоит в том, что объект высказывания характеризуется в них с двух или более сторон, создавая при этом единый объемный образ. Поэтому нельзя выделить несколько сказуемых (однородных или неоднородных), т.е. расчленить "единое слитное сказуемое" (термин А.А. Шахматова), не исказив при этом представления о настоящем положении вещей. Особенно ярко проявляется слитность сказуемого, невозможность рассматривать его как несколько сказуемых в том случае, когда так называемые однородные сказуемые соединяются противительным союзом или выражены "словесными парами", составляющие которых уточняют друг друга и создают новое представление [20, с. 220]. Ср.: 1) *Gewölk stand hoch am Himmel, wurde aber immer wieder durchbrochen von der kräftigen Sonne* (W. Bredel, Die Enkel) "Тучи стояли высоко в небе, но беспрерывно пробивались яркими лучами солнца"; 2) *Sie witterten etwas, aber sie wissen nichts Bestimmtes* (B. Aritz, Nackt unter Wölfen) "Они чувствуют что-то, но не знают ничего определенного"; 3) *Die frostige Kälte bohrte und sägte* (W. Bredel, Die Enkel) "Леденящий холод пронизывал насквозь" (букв.: "сверлил и пилил").

Слитность сказуемого подтверждается также 1) единством его пространственной и временной характеристик при одновременности действий (состояний) и 2) обусловленностью наступления определенного действия, нормами объективной реальности² (неодновременность).

Итак, "процесс" как один из видов бытия предполагает наличие нескольких "событий", движений, происходящих либо одновременно, либо в динамической последовательности, что находит свое отражение в языке, а именно, в наличии нескольких личных форм глагола, представляющих собой семантическое и синтаксическое единство.

Все анализируемые предложения представляют собой функциональное един-

² Это убедительно подтверждает неправомерность понятий "процесс", "состояние" применительно к отдельно взятому глаголу.

ство по признаку обслуживания коммуникативной установки "процесса" как одного из видов бытия. По какому же признаку все "сложносочиненные" предложения противопоставляются внутри неразрывного функционального единства? Еще Аристотель писал, что всякий процесс движется к некоторой цели. Поэтому можно предположить, что признаком, по которому анализируемые структуры могут быть противопоставлены, — это наличие/отсутствие цели.

Как показал анализ, все "сложносочиненные" предложения действительно четко делятся по этому признаку на три группы: 1) наличие цели; 2) отсутствие цели; 3) наличие цели в первой части предложения и отсутствие ее во второй части. Каждое из этих значений имеет свою форму выражения: 1) одновременными односубъектными структурами; 2) одновременными структурами (односубъектными и разносубъектными); и 3) одновременными разносубъектными структурами. Рассмотрим каждую из указанных групп.

Неодновременные односубъектные структуры. В неодновременных односубъектных предложениях четко выражена целенаправленность процесса. Здесь каждая составляющая процесса последовательно направлена на достижение поставленной цели. Все этапы процесса как бы подготавливают возможность наступления последующего, заключительного этапа, который и является целью. Ср., например: *Er geht zur Tür, legt das Ohr ans Holz und lauscht* (W. Meisek, *Tödliche Stille*) "Он идет к двери, прикладывает ухо к дереву и прислушивается". Так же четко прослеживается цель в структурах, где субъект практически один и тот же, но выражен другими словами. Ср.: *Kurz entschlossen machte er ihr einen Antrag, und einige Wochen darauf heirateten sie* (B. Kellermann, *Der Tunnel*) "Не раздумывая, он сделал ей предложение, и они поженились".

Итак, данная группа предложений представляет собой в тройственном ряду системы языковых средств, обслуживающих коммуникативную установку "процесс", исходное положение "тезис", которое характеризуется подчиненностью всех предшествующих действий последнему действию, являющемуся целью субъекта.

Одновременные односубъектные и разносубъектные структуры. В одновременных, как односубъектных, так и разносубъектных, структурах цель полностью отсутствует. Особенность разносубъектных одновременных структур состоит в том, что каждая их часть представляет собой отдельный "эпюд" общей картины, единого образа. Причем общий образ — это не простая сумма отдельных "эпюдов", а что-то другое, обычно не названное в предложении. Это может быть явление природы, время года, акустический образ и т.д. Описание состоит из нескольких однотемных частей, объединенных общим временем и пространством. Так, например, для выражения единого акустического образа могут описываться несколько акустических впечатлений, каждое из которых существует и самостоятельно, но в данном случае является частью целого, нового образа. Ср.: *Die Meisen zirpen, und die Krähen krächzen schon frühlingstoll* (E. Strittmatter, *Ole Bienkopp*) "Синицы чирикают, и вороны каркают уже по-весеннему весело"; *Der Wolfspitz heult, die Pferde schnarren und der Stier schnaubt* (E. Strittmatter, *Ole Bienkopp*) "Шпиц поет, кони топаят, а бык сопит". Для создания образа весны обычно используется не один, а несколько признаков. Ср. также: *Der Garten steht in grünen Flammen, das Frühjahr rauscht im jungen Laub der Pappel wie eine Harfe und der erste Flieder blüht* (B. Apitz, *Nackt unter Wölfen*) "С полей несется голос стада. В кустах малиновки звенят. И с поблевших яблонь сада струится сладкий аромат" (Фет) [7, с. 617].

И.Ф. Анненский, анализируя строки стиха А.С. Пушкина "Швед, русский, колет, рубит, режет, Бой барабанный, крики, скрежет", приходит к выводу, что подлежащее здесь отсутствует. Предложение состоит, с его точки зрения, "...из одних лишь предикатов или, точнее, из одного расчленяемого предиката" [22, с. 463]. Таким образом, в разносубъектных одновременных структурах нет даже речи о цели.

Односубъектные структуры по сравнению с разносубъектными, где представлен не сам объект описания, а его составляющие, описывают ситуации, где субъект предложения совпадает с объектом. Однако и они не выражают цели. Цель — это "предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия" [21, с. 534]. А процесс, выражаемый этими структурами, замыкается на самом субъекте и не имеет выхода за его пределы. Более того, субъекты сами подвергаются влиянию извне. Ср.: *Gabriele versteht nicht, was in ihm vorgeht, aber sie empfindet, wie niedergeschlagen er ist; er tut ihr leid* (H. Sakowski, Daniel Druskat) "Габриела не понимает, что в нем происходит, но она чувствует, как он угнетен; он вызывает у нее сочувствие". Ср. также описание образа человека, потрясенного увиденным: *Er weinte nicht, er schluchzte nicht, er saß mit offenem Mund und sah Maud an* (B. Kellermann, Der Tunnel) "Он не плакал, он не рыдал, он сидел с открытым ртом и смотрел на МAUD".

Таким образом, одновременные структуры, и одно-, и разносубъектные, не выражают цели. Именно по признаку отсутствия цели они представляют собой антитезис в отношении группы односубъектных неодновременных предложений. Кроме одновременности, для них характерны также единство пространства и отсутствие активного действия. Одновременные структуры выражают состояние, являющееся разновидностью процесса в рамках единой с ним коммуникативной установки. Процесс и состояние находятся в диалектическом противоречии.

Синтез наличия и отсутствия цели представляет собой неодновременные разносубъектные структуры.

Неодновременные разносубъектные структуры. По сравнению с группой одновременных структур, где нет даже намек на цель, где каждая часть предложения независима друг от друга, как бы сосуществует с другой его частью во времени и пространстве, части неодновременных разносубъектных структур оказываются взаимосвязанными. Ситуация, выражаемая во второй части предложения, возникает под влиянием ситуации, о которой сообщается в первой его части. Однако в отличие от односубъектных неодновременных структур, где все подчинено последнему действию, являющемуся целью, эта ситуация не предвосхищается в сознании как результат целенаправленной деятельности, а возникает произвольно, как одна из возможных форм продолжения движения соприкасающихся отрезков материального мира в соответствии с объективными законами развития природы и общества. Ср.: *In diesem Augenblick flammte das Licht der Fotografen auf, die ihr Feuer eröffneten, und Allan machte eine kurze Pause* (B. Kellermann, Der Tunnel) "В этот момент вспыхнул свет фотографов, открывших частый огонь, и Аллан сделал короткую паузу". Вторая часть предложения не является здесь результатом целенаправленной деятельности. Цель репортеров была сфотографировать Аллана и, что очень возможно, именно говорящим.

Как известно, человек не всегда в состоянии предусмотреть последствия своей деятельности. Часто он даже не задумывается над этим, руководствуясь лишь близлежащей целью. Однако жизнь продолжается помимо цели и воли субъекта. Ср.: *Druskat wendete sich nach der Tochter um, und das Mädchen sah, wie ihm der Schweiß über die Stirn rann, wie ihm das Hemd am Körper klebte* (H. Sakowski, Daniel Druskat) "Друскат повернулся к дочери, и девочка увидела, как по его лицу капился пот, как рубашка прилипла к телу". Дело в том, что Друскат был очень рад дочери, но ему ни в коем случае не хотелось бы, чтобы его малолетняя, горячо любимая дочь увидела его в таком состоянии. Еще один пример: *Holt hielt die Zigarette zwischen den Lippen, und der Rauch stieg ihm in die Augen* (D. Noll, Die Abenteuer...) "Хольт держал сигарету в губах, и дым полз ему в глаза". (Дым поднимается вверх по определенным законам природы, не подвластным желанию и воле субъекта.) Как видим, и здесь имеет место единый процесс, но состоящий из двух противоположностей: целенаправленности одного и произвольности другого действия, где последнее не только не является целенаправ-

ленным, но и не подвластным воле субъекта. Именно эти структуры используются для выражения высказываний, отражающих ситуации объективного мира, в которых на передний план выступает неподвластность второго действия воле субъекта первого действия (хотя и связанного с ним).

В современных грамматиках принято рассматривать отношения между частями анализируемых структур как причинно-следственные, с чем трудно согласиться. Ярким примером неправильного толкования отношений между двумя действиями являются случаи перевода анализируемых структур на другой язык "сложноподчиненным предложением с придаточным следствия". Ср.: *Били его в комендатуре жестоко, и, видно, рассказал он про агитацию Романа Сидоренко, деповского товарища Артема* (Н. Островский, Как закалялась сталь). Н. Островский не случайно использует этот вид "сложносочиненного предложения": второе действие происходит здесь независимо от воли субъекта. А именно это обстоятельство и хочет выделить автор. В немецком переводе же используется сложноподчиненное предложение с придаточным следствия, в котором лишь раскрывается степень интенсивности признака действия. Ср.: *In der Kommandatur war er so erbarmungslos verprügelt worden, daß er offenbar etwas über die Agitationsarbeit Roman Sidorenkos, eines Kollegen von Artjom aus dem Depot, erzählt hatte* (N. Ostrowski, Wie der Stahl gehärtet wurde). Если снова перевести это предложение на русский язык, то оно будет выглядеть следующим образом: *В комендатуре его так зверски избили, что он, видно, рассказал про агитацию Романа Сидоренко, деповского товарища Артема*.

Представляется, что тройственный ряд [исходный тезис "наличие цели", анти-тезис "отсутствие цели" и синтез, совмещающий в себе "наличие цели" (в первой части) и "отсутствие цели" (во второй части)] свидетельствует о том, что группа структур, обслуживающих высказывания, выражающих "процесс" как одну из форм бытия, отграничена правильно. Подобно тому как каждая форма бытия представляет собой отграниченную, саморазвивающуюся систему с присущим только ей существенным признаком, так и языковые структуры, обслуживающие высказывания о них, являют собой отграниченную систему с присущим только им существенным признаком.

В настоящее время принято оценивать отношения между частями одновременных разносубъектных предложений с союзом *и* как причинно-следственные, условно-следственные и т.д., с чем нельзя согласиться.

В отношении характеристики связи между частями сложносочиненного предложения существуют в основном два мнения: 1) простые предложения, входящие в состав сложносочиненного предложения, равноправны и никак не маркированы [14, с. 53] и 2) сложносочиненные предложения могут выражать условно-следственные, результативно-следственные, причинно-следственные отношения [23, с. 781; 7, с. 618]. Поводом для такого вывода служит, видимо, временная последовательность явлений, объединенных в одном высказывании. Действительно, важным признаком причинности является временное следование причины и следствия, однако оно не может рассматриваться как критерий причинности. Ср.: *На улице он снял шапку, распахнул шубу, и на лицо ему пал нежный цекотный снег* (А. Толстой); *Я задремала, и было так сладко, точно я полетела от земли* (А. Толстой). Вторая часть этих высказываний по необходимости связана с первой частью. Однако причинность не идентична необходимости. Не каждая необходимая связь является причинной. Среди типовых композиционно-речевых форм, по мнению многих авторов, принято выделять типы, группируемые в две разновидности: описательные и объяснительные. В первые включаются описание, повествование, во вторые — рассуждение и доказательство.

Как показал анализ, необходимость в объяснении причины того или иного действия даже в мароконтексте сложносочиненных предложений полностью отсут-

ствует. Они используются только при описании. Их коммуникативной установкой является выражение формы бытия субъекта как процесса. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Анализируемые предложения представляют собой единую, четко ограниченную систему языковых средств, обслуживающих высказывания о такой форме бытия, как процесс.

2. Природа процесса такова, что он предполагает наличие более одной характеристики, которые могут быть одновременными или последовательными. Поэтому вид предиката подается расчлененно — каждое действие мыслится не как самостоятельное, а как необходимый компонент единого процесса, тесно связанный с другими компонентами, занимающий определенное место в общей органически связанной, обусловленной последовательностью элементов цепи. Именно этим объясняется наличие в каждом из них более одной личной формы глагола, сочетающихся либо с одним, либо с разными "субъектами". Однако, как справедливо отмечал А.А. Шахматов, лишь взятые все вместе, они характеризуют объект высказывания и явления.

3. Одновременные разносубъектные структуры Н.Ю. Шведова по праву рассматривает как простые предложения. Считаем, что по своей сути и все другие структуры, относящиеся к сложносочиненным (одновременные односубъектные, неодновременные односубъектные и неодновременные разносубъектные) также должны рассматриваться как простые.

4. Как и каждый цельный объект, система, группа сложносочиненных предложений включает в себе диалектические противоположности. В данном случае они проявляются в признаке наличие — отсутствие цели. По этому параметру "сложносочиненные" предложения четко делятся на три группы: 1) наличие цели (тезис), 2) отсутствие цели (антитезис) и 3) наличие цели в первой части предложения и отсутствие цели — во второй его части (синтез). Каждое из этих значений имеет свою форму выражения: тезис — выражается одновременными односубъектными структурами (в том числе и формально по-иному выраженными субъектами); антитезис — одновременными структурами (одно- и разносубъектными) и синтез — неодновременными разносубъектными структурами, что свидетельствует о наличии тройственного ритма, обусловленного всеобщим диалектическим законом отрицания отрицания.

5. Неодновременные разносубъектные "сложносочиненные предложения" с союзом *и* не выражают ни условно-следственных, ни результативно-следственных, ни причинно-следственных отношений. Они выражают единый непрерывный процесс, в котором первая часть представляет собой обычно действие как результат целенаправленной деятельности человека, в то время как второе действие, хотя и обусловлено первым, однако не является запланированным, а возникает стихийно в соответствии с объективными законами природы, общества независимо от цели и воли субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
2. Пауль Г. Принципы истории языка / Под ред. Холодовича А.А. М., 1960.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд., переработ. М., Л., 1935.
4. Холодов Н.Н. Проблемы исследования сложносочиненных предложений в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук М., 1977.
5. Русская грамматика / Под ред. Шведовой Н.Ю.: В 2-х т. Т. 2. М., 1980.
6. Grundzüge einer deutschen Grammatik / Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Heidolph K.F., Flämig W. und Motsch W. В. 1981.
7. Москвальская О.И. Грамматика современного немецкого языка. Теоретический курс. М., 1971.
8. Шендельс Е.И. Практическая грамматика немецкого языка. 2-е изд. М., 1982.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Под ред. Истриной Е.С. 2-е изд. Л., 1941.
10. Шведова Н.Ю. О структурной схеме сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 320—322.

11. Поляков Н.В. Лингвистика и структурная семантика / Отв. ред. Целищев В.В. Новосибирск, 1987.
12. Philosophisches Wörterbuch / Hrsg. von Klaus G., Bühr M. Leipzig, 1965.
13. Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962.
14. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. В., 1967.
15. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
16. Семантические типы предикатов / Отв. ред. Селиверстова О.Н. М., 1982.
17. Дуден Грамматика современного немецкого языка. Л., 1962.
18. Арсеньева М.Г., Гасилевич Е.В., Замбрежцакая А.А. и др. Грамматика немецкого языка: Практический курс. М., 1963.
19. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
20. Философский словарь / Под ред. Фролова И.Т. М., 1986
21. Мартынов В.В. Категории языка: Семантикологический аспект / Под ред. Славянова Ю.С. М., 1982.
22. Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923.
23. Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Одицова Т.Б. Структура научного текста и обучение монологической речи. М., 1981.